

В.Е. Красовский, А.В. Леденев

Роман «Капитанская дочка»

Роман «Капитанская дочка», опубликованный в четвертой книжке журнала «Современник» за 1836 год, — итоговое произведение Пушкина. «Прощальный» роман вырос из пушкинских трудов по истории России. С начала 1830-х в центре внимания Пушкина был XVIII век: эпоха Петра I (шла работа над «Историей Петра») и самое крупное событие эпохи Екатерины II — крестьянский бунт 1773–1774. Из материалов о бунте сложилась «История Пугачева», написанная в Болдине осенью 1833 и опубликованная в 1834 под названием «История Пугачевского бунта» (изменено Николаем I).

Исторический труд дал роману фактическую основу и общую концепцию, но путь Пушкина к «Капитанской дочке» оказался непростым. К 1832–1833 относятся черновые планы и наброски будущего исторического произведения. По первоначальному замыслу Пушкина, центральной фигурой в нем должен был стать дворянин, поручик Шванвич, перешедший на сторону Пугачева и служивший ему «со всеусердием». Сведения об этом дворянине, который «предпочел гнусную жизнь — честной смерти», Пушкин обнаружил в одном из пунктов официального юридического документа — «Сентенции» Сената (там же говорилось и о подпоручике А.М. Гриневе, которого арестовали по подозрению «в сообщении со злодеями», но в ходе следствия признали невиновным).

Изучение материалов бунта во время поездки в Казань и Оренбург летом 1833 года скорректировало первоначальный замысел. Пушкин пришел к выводу, что дворянство — единственное из всех сословий — осталось верным правительству и не поддержало бунт. Судьба дворянина-отщепенца не могла послужить основой для широких художественных обобщений. Шванвич превратился бы в такого же героя-одиночку, как Владимир Дубровский, «благородный разбойник», мститель за поруганную честь семьи, в неоконченном романе «Дубровский» (1833).

Пушкин нашел нового героя — им стал не союзник, а пленник Пугачева Башарин, помилованный самозванцем по просьбе солдат. Найдена была и форма повествования — мемуарные записки героя, обращенные к внуку («Любезный внук май Петруша...») — так начинался черновой набросок вступления). Зимой 1834–1835 возник новый вариант произведения: в нем появились историко-бытовой материал и любовный сюжет. В 1835–1836 менялись сюжетные линии, фамилии героев. Так, прообраз будущего Гринева Башарин стал Валуевым, потом Буланиным (эта фамилия осталась в «Пропущенной главе»), и только на последнем этапе работы Пушкин назвал мемуариста Гриневым. Его антипод Швабрин, сохранивший некоторые черты дворянина-изменника Шванвича, появился тоже в окончательной редакции. Рукопись была переписана набело самим Пушкиным 19 октября 1836 года. В конце октября, уже после того как роман был представлен в цензуру, он получил название — «Капитанская дочка».

Работая над историческим романом, Пушкин опирался на творческий опыт английского романиста Вальтера Скотта (среди его многочисленных почитателей в России был сам Николай I) и первых русских исторических романистов М. Загоскина, И. Лажечникова. «В наше время под словом роман разумеют историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании» — так Пушкин определил основной жанровый признак романа на историческую тему. Выбор эпохи, героев и особенно стиль «вымышленного повествования» сделали «Капитанскую дочку» не только лучшим среди романов русских последователей В. Скотта. По словам Гоголя, Пушкин написал «единственный в своем роде роман» — «по чувству меры, по законченности, по стилю и по изумительному мастерству обрисовывать типы и характеры в миниатюре...» Пушкин-художник стал не только соперником, но и «победителем» Пушкина-историка. Как заметил выдающийся

русский историк В. Ключевский, в «Капитанской дочке» «больше истории, чем в «Истории Пугачевского бунта», которая кажется длинным объяснительным примечанием к роману».

Широта проблематики выводит «Капитанскую дочку» за пределы жанра исторического романа. Материал истории послужил Пушкину отправной точкой для создания многопланового произведения. «Капитанская дочка» — это и *семейная хроника* Гриневых (критик Н. Страхов заметил: «“Капитанская дочка” есть рассказ о том, как Петр Гринев женился на дочери капитана Миронова»), и *роман-биография* самого мемуариста Петра Гринева, и *роман воспитания* (история становления характера дворянского «недоросля»), и *роман-притча* (судьбы героев — развернутая нравственная максима, ставшая эпиграфом к роману: «Береги честь смолоду»).

В отличие от других прозаических произведений (неоконченного «Арапа Петра Великого», «Повестей Белкина», «Пиковой дамы»), в последнем романе Пушкин создал, хотя и другими средствами, чем в «Евгении Онегине», «свободное» повествование, разомкнутое в историческом времени, не ограниченное рамками сюжета и смыслом изображаемого. Историческое «поле» романа шире описанных исторических событий (1772–1775) и биографических фактов (юность героя — автора записок, 17–19 лет). Основанная, как подчеркнул сам писатель, «на предании», «Капитанская дочка» стала романом об исторической жизни России.

(Обратите внимание на обилие исторических фактов, упоминаемых в романе, — от Смутного времени (Гришка Отрепьев) до «кроткого царствования» Александра I.)

Проблематика романа, его жанровые и сюжетно-композиционные особенности обусловлены избранным Пушкиным типом повествования и самой фигурой рассказчика. Роман написан от первого лица. Это автобиографические записки (мемуары, воспоминания) русского дворянина Петра Андреевича Гринева, который является фигурой вымышленной. С реально существовавшим А.М. Гриневым его роднят только фамилия и сходство некоторых ситуаций: пленение Пугачевым и арест по подозрению в измене. Записки не имеют конкретного адресата. Воспоминания Гринева о молодости — часть семейной хроники и одновременно его исповедь. Не сумев сказать всей правды на суде, чтобы не запятнать честь Маши Мироновой, он адресует рассказ-исповедь о «странных происшествиях» своей жизни потомкам.

Из «записок» Гринева состоит основной текст романа. В послесловии «издатель» указывает на источник получения «рукописи». Она попала к нему от внука Гринева, узнавшего, что «издатель» занимался «трудом, относящимся к временам, описанным его дедом». «Издатель» — литературная «маска» Пушкина, под «трудом» имеется в виду «История Пугачева». Кроме того, в романе проставлена дата окончания : «19 окт. 1836» — своеобразный «автограф» Пушкина (роман был напечатан в «Современнике» анонимно, без подписи автора). В послесловии указана и степень участия «издателя» в работе над якобы полученной рукописью: он принял решение не включать ее в свой труд, а издать особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволить себе переменить некоторые собственные имена». Эпиграфы, таким образом, имеют особый смысл: они не только указывают на тему главы и определяют ее повествовательный тон. Эпиграфы — это знаки авторского «присутствия» в тексте романа. Каждый эпиграф представляет собой авторский «образ-конспект» главы.

Смысл послесловия в том, что Пушкин, создатель романа, четко отделил себя от вымышленного лица — автора и главного героя записок Гринева и вместе с тем намеренно соотнес вымысел с реальностью. Заявлен один из важнейших художественных принципов Пушкина-исторического романиста: читателю предлагается воспринимать все рассказанное Гриневым как достоверный и искренний «человеческий документ». Вымышленные записки Гринева писатель ставит в один ряд с подлинными документами, вошедшими в «Историю Пугачева».

В «Капитанской дочке» одинаково важны и история жизни рассказчика, и его человеческий, нравственный облик. *Гринева* — свидетель и участник исторических событий. Рассказ о собственной судьбе как бы «удостоверяет» подлинность и объективность его «свидетельств». Точка зрения Гринева в повествовании господствует. Эпоха, бунт, Пугачев увидены глазами дворянина, присягнувшего императрице, верного своей присяге и долгу офицера. Крестьянское восстание для него — беззаконие, мятеж, «пожар». Пугачевцев Гринева называет «шайкой», «разбойниками», самого Пугачева — «самозванцем», «бродягой», «злодеем», «беглым казаком». Его понимание происходящего не меняется: и в юности, и в зрелом возрасте он осуждает «русский бунт».

Считать это проявлением только сословных предрассудков героя — явное упрощение, ведь пугачевщину оценивают как кровавый бунт не только дворяне. Крепостной крестьянин Савельич, священник отец Герасим и его жена Акулина Памфиловна тоже видят в пугачевцах бунтовщиков и злодеев. Критерием отношения этих героев к бунту являются не отвлеченные социологические понятия, а кровь, насилие и смерть. В их оценках Пугачева и его соратников, в нелестных словах, которые они находят для восставших, отражены их личные, живые впечатления. «Пугачевщина» и для Гринева не формула, закрепившая официальный взгляд на мятежников, а настоящее человеческое потрясение. Он *видел* бунт, поэтому и пишет с неподдельным ужасом: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»

Это высказывание Гринева вызывает много споров. Некоторые исследователи находят в нем отражение точки зрения самого Пушкина, другие — проявление социальной слепоты героя. Безусловно, решить этот вопрос можно, только выйдя за пределы текста, обратившись к прямым высказываниям Пушкина (в 1830-е годы поэт был противником любого насилия). Все сказанное героем отражает точку зрения самого героя. Отождествлять его мнение со взглядами Пушкина не следует. *Авторская позиция* в романе проявилась в выборе героя-мемуариста, в отборе исторических ситуаций, в том, как судьбы героев соотнесены с историческими событиями.

Пугачевский бунт показан в романе как национальная трагедия. Это беспощадная гражданская война, в которой бунтовщики не могут победить: свою обреченность хорошо понимает сам Пугачев. Не считают себя победителями и усмирители бунта («Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями»). В этой войне есть только побежденные — русские люди, воюющие против таких же русских людей.

Пушкин противопоставил в своем романе не дворян и крестьян, а народ и власть. Для него народ — это не только Пугачев с его «господами енаралами», «молодой казак», ударивший саблей по голове Василису Егоровну, изуродованный башкирец, лукавый урядник Максимыч. Народ — это и капитан Миронов, и Маша, и попадьа, и Савельич, и единственная крепостная Мироновых Палаша. Трагическая межа разводит героев романа именно тогда, когда они определяют свое отношение к власти. Екатерина II и Пугачев — ее символы. «Народ», как отмечает наблюдательный Гринева, неотступно следовал за Пугачевым, толпился вокруг него. Одни видят в Пугачеве «народного царя», воплощающего их мечту о «чуде» — сильной, но мудрой и справедливой власти, другие — разбойника и душегуба. И те и другие сближаются в своем стремлении к подлинной власти, человеческой и милосердной. Именно власть «неправедная», бестолковая и жестокая, отделившая себя от людей, подвела Россию к краю бездны. Не на «турку» или «шведа» приходится идти кое-как обученным «солдатушкам», не защищать Отечество, а сражаться в «странной войне», после которой родная земля превращается в пепелище («состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно...»).

Предсмертные слова Василисы Егоровны — плач по повешенному мужу — можно рассматривать как обвинение не только разбойнику Пугачеву, но и власти: «Не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот,

а сгинул от беглого каторжника!» Взгляд Гринева на исторические события в большей степени отражает не узко-сословную, а общечеловеческую точку зрения. Гринева с омерзением смотрит на «разбойников», но осуждает и беспечных защитников Белогорской крепости, и особенно «оренбургских командиров», которые обрекли город на вымирание. Во всем происходящем он видит кровавый разгул и вакханалию насилия, подлинное национальное бедствие.

Гринева — дворянин, связанный со своим сословием обетами долга и чести, но он смотрит на мир и людей не сквозь сословные «очки». Гринева прежде всего честный и искренний человек, старающийся полно и правдиво передать все, что увидел и услышал. Многие зафиксированы с протокольной точностью. Гринева — гениальный зритель. Он видит все вокруг — и главных участников событий, и «статистов», и детали обстановки. Гринева не просто передает свои впечатления — он пластически воссоздает события. Простодушный, но отнюдь не простоватый и плоский рассказ героя отражает высочайший уровень мастерства Пушкина-повествователя. Гринева необходим автору романа не как говорящий манекен, рупор его идей. Рассказчик в «Капитанской дочке» — это человек со своим *взглядом* на мир. Он способен увидеть и запечатлеть в слове то, что для другого человека может показаться мелочью, недостойной внимания. Гринева зорко подмечает детали, заставляя их *крупно* броситься в глаза (особенно это касается Пугачева). Гринева — несостоявшийся поэт, хотя его стихотворные опыты были «изрядны», но замечательный прозаик. Ему недостает поэтического слуха (см. его стихи «Мысль любовну истребляя...» в главе «Поединок»), зато на мир он смотрит взглядом истинного художника.

Гринева доверяет только собственным впечатлениям. Все, о чем ему известно понаслышке, специально оговаривается или пропускается (см., например, рассказы о положении в Оренбургской губернии в главе «Пугачевщина», о разгроме Пугачева в главе «Арест»). Этим обусловлены разрывы в сюжете. «Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя...» — так начинается рассказ о поездке Маши в Петербург. Гринева отделяет свои «свидетельства» от «предания», «молвы» и чужих мнений.

Пушкин виртуозно использует особенность любого мемуарного повествования: дистанцию, возникающую между мемуаристом и объектом его воспоминаний. В записках Гринева в центре внимания сам мемуарист, поэтому перед нами как бы «два Гринева»: Гринева — семнадцатилетний юноша и Гринева — пятидесятилетний автор записок. Между ними есть важное различие. Юный Гринева вбирает в себя многообразные впечатления, меняется под влиянием обстоятельств, его характер развивается. Гринева-мемуарист — человек, проживший жизнь. Его убеждения и оценки людей проверены временем. Он может взглянуть на все, что с ним произошло в юности (в «мой век»), с высоты своего житейского опыта и нравов новой эпохи. Простодушие молодого Гринева и мудрость Гринева-мемуариста дополняют друг друга. Но самое главное — именно Гринева-мемуаристу открывается значение того, что он пережил во время бунта. Обратите внимание на временные рамки его записок. Только часть «сюжета» его жизни стала сюжетом записок. Первые главы (с первой по пятую) — «увертюра» к рассказу о пугачевщине. Самое памятное в его жизни — бунт и Пугачев. Записки Гринева прерываются, когда заканчивается рассказ о «неожиданных происшествиях», повлиявших на всю его жизнь.

Финал романа остался «открытым»: мемуарист ничего не рассказывает о последующих событиях своей жизни — они уже никак не соприкасаются с историей, укладываясь в рамки частной жизни небогатого симбирского помещика. Единственная биографическая деталь Гринева, о которой «издатель» сообщает в послесловии, — присутствие автора «записок» на казни Пугачева. Но значимость этой детали, пожалуй, в другом: она «доулавливает» образ Пугачева. За несколько мгновений до казни самозванец узнал Гринева в многотысячной толпе, кивнул ему — это свидетельствует об огромной силе духа, выдержке, сознании своей правоты, присущих Пугачеву.

Жизнеописание Гринева является основой хроникального сюжета романа. Формирование личности молодого дворянина — это непрерывная цепь испытаний его чести и человеческой порядочности. Уехав из дома, он то и дело попадает в ситуации нравственного выбора. Сначала они ничем не отличаются от тех, что бывают в жизни каждого человека (проигрыш ста рублей Зурину, буран, любовный конфликт). Он абсолютно не готов к жизни и должен полагаться только на нравственное чувство. Мемуарист иронически смотрит на свое детство и семейное воспитание, представляя себя недалеким Митрофанушкой, самонадеянным дворянским недорослем. Самоирония — это взгляд опытного человека, который понял, что семья не смогла дать ему главного — знания жизни и людей. Наставлением сурового отца, полученным перед отъездом, и ограничился его жизненный опыт.

Нравственный потенциал героя раскрылся во время бунта. Уже в день взятия Белогорской крепости ему несколько раз пришлось выбирать между честью и бесчестьем, а фактически между жизнью и смертью. Самые сложные ситуации в жизни Гринева возникают тогда, когда его склоняют к компромиссу: после того, как Пугачев «помиловал» Гринева, он должен был поцеловать ему руку, то есть фактически признать в нем царя. В главе «Незванный гость» сам Пугачев устраивает «испытание компромиссом», пытаясь получить от Гринева обещание «хотя бы не воевать» против него. Во всех этих случаях герой, рискуя жизнью, проявляет твердость и неуступчивость. Но самое главное нравственное испытание оказалось впереди. В Оренбурге, получив письмо Маши, Гринев должен был сделать решающий выбор: солдатский долг требовал подчиниться решению генерала, остаться в осажденном городе — долг чести требовал откликнуться на отчаянный призыв Маши: «вы один у меня покровитель; заступитесь за меня бедную». Гринев-человек победил Гринева-солдата, присягнувшего императрице, — он решился уехать из Оренбурга, а затем воспользоваться помощью Пугачева.

Честь Гринев понимает как человеческое достоинство, сплав совести и внутреннего убеждения человека в своей правоте. Такое же «человеческое измерение» чести и долга мы видим у его отца, который, узнав о мнимой измене сына, говорит о пращуре, умершем за то, что «почитал святынею своей совести». Стремлением не запятнать честь Маши был продиктован отказ Гринева назвать ее во время следствия (сама «мысль впутать имя ее между гнусными извещениями злодеев» показалась ему «ужасной»). Из всех испытаний Гринев вышел с честью, сохранив в себе достоинство человека.

Через нравственные испытания проходят все основные герои романа. Не только у защитников Белогорской крепости, у Маши Мироновой, но и у Пугачева и его соратников есть свои представления о чести. Например, один из пугачевских «енаралов» Хлопуша в споре с Белобородовым так формулирует «кодекс» чести разбойника: «И эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором». Честь стала в романе Пушкина мерой человечности и порядочности всех героев. Отношение к чести и долгу развело Гринева и Швабрина. Искренность, открытость и честность Гринева привлекли к нему Пугачева («Моя искренность поразила Пугачева», — замечает мемуарист).

Пушкин поставил в романе один из самых сложных вопросов — вопрос о зависимости жизни людей от хода истории. Мемуарист все время подступает к главной «странности» своей жизни, но останавливается, говоря лишь о «странных происшествиях», «странном сцеплении обстоятельств»: «детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоянным дворам, осаждал крепости и потрясал государством!» Судьба Гринева и судьбы других героев романа позволяют сделать выводы о том, как Пушкин понимал зависимость человека от истории.

До шестой главы жизнь Гринева — это жизнь частного человека, текущая вне истории. Лишь отдаленные отголоски страшной исторической бури доходят до него (сведения

о возмущениях казаков и «полудиких народов»). Вне истории живут и все другие герои романа. Это обычные люди, для которых воинская служба такое же «привычное дело», как соление грибов или сочинение любовных куплетов (таковы обитатели Белогорской крепости в первых главах романа). Символическим предвестием грозных исторических событий стали буран и страшный сон, увиденный Гриневым (глава «Вожатый»). Во время пугачевщины обнаружился тайный смысл происшедшего в этой главе.

История — неподвластная людям, враждебная им сила, соизмеримая с судьбой, — разрушила быт, казавшийся незыблемым, втянула Гринева и всех обитателей Белогорской крепости в свой водоворот. Она подвергла героев романа суровым испытаниям, проверяя их волю, мужество, верность долгу и чести, человечность. Во время бунта гибнут родители Маши, Иван Игнатьевич, пугачевцы сеют смерть и разрушение. Однако для влюбленных Гринева и Маши, которые уже не надеялись соединиться, именно исторические события становятся благом. Счастливая развязка их взаимоотношений позволила Пушкину выявить взаимодействие человеческого, частного, и всеобщего, исторического. История, заставившая героев кружить по «бездорожью», вывела их в конце концов на дорогу, ведущую к дому, семье, счастью. «Властелином» их судеб стал Пугачев. Гринев воспринимает его как человека, который «по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан». Но и сами герои должны были проявить лучшие свои качества, чтобы прийти к своей цели.

Пушкин показал в романе темный и светлый лики истории. Она может погубить человека, но может дать его душе «сильное и благое потрясение». В исторических испытаниях в человеке проявляются скрытые волевые качества (Маша Миронова). Подлость и низость делают его законченным негодяем (Швабрин). История дает шанс спастись даже в сложных испытаниях тем, кто честен, человечен и милосерден. Жесткая и капризная, историческая реальность не исключает «чудесной» случайности. Кажется, что сама история не только карает и губит, но и возвышает людей, милостива к ним.

Это особенно ярко проявилось в судьбе *Маши Мироновой*. Главные испытания в жизни Маши, как и в жизни Гринева, начинаются, когда до Белогорской крепости доходит слух о самозванце. Стремясь уберечь дочь от «пугачевщины», родители хотят отправить ее в безопасное место. Но судьба вновь распоряжается по-своему: Маша вынуждена остаться в осажденной крепости, среди огня и ужасов «бессмысленного и беспощадного» бунта. В день взятия крепости ее постигает несчастье — страшная смерть родителей. Маша остается круглой сиротой. Ее единственный защитник, Гринев, чудом избежав виселицы, отправляется в Оренбург, а она, больная и беспомощная, оказывается в руках нового коменданта крепости — предателя Швабрина.

Несчастной Маше пришлось вынести столько унижений и страданий, сколько любая другая девушка, оказавшись на ее месте, вряд ли смогла бы пережить. Швабрин держал ее в чулане на хлебе и воде, добиваясь таким образом согласия стать его женой. В романе, пожалуй, нет другого героя, который пострадал бы больше нее. Честная, умная и искренняя, Маша категорически отказывается выйти замуж за нелюбимого человека, к тому же вставшего на сторону убийц ее родителей: «мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович».

Приехав в Белогорскую крепость, Гринев и Пугачев нашли Машу сидящей на полу, «в крестьянском оборванном платье», «с растрепанными волосами». Перед бедной девушкой стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. В эту минуту героиня увидела Пугачева, приехавшего освободить ее, но ведь этот же самый человек, ставший ее спасителем, лишил ее самого дорогого в жизни — ее родителей. Она не произнесла ни слова, лишь закрыла лицо обеими руками и, как вспоминает потрясенный Гринев, «упала без чувств». И вновь Швабрин едва не помешал влюбленным: он все-таки сообщил Пугачеву, кем была Маша на самом деле. Но, проявив великодушие, самозванец простил Гринева за вынужденный обман и даже вызвался быть посаженным отцом на свадьбе Маши и Гринева.

Казалось бы, судьба Маши с этого момента начала складываться счастливо. Гринев отправляет ее с Савельичем в свое поместье. Теперь Маше нужно было понравиться родителем возлюбленного, и задача эта оказалась не из сложных — вскоре они «искренно привязались» к «милой капитанской дочке» и не желали для сына никакой другой невесты, кроме Маши. Не за горами была цель любящих — свадьба и счастливая семейная жизнь. Вскоре бунт был подавлен, а самозванец пойман.

Но опять всемогущая судьба готовит Маше новое и, пожалуй, самое сложное препятствие: Гринев арестован и обвинен в предательстве. Маше кажется, что именно она стала причиной несчастий любимого, который ради нее должен был прибегнуть к помощи самозванца. На следствии, объясняя свое поведение во время бунта, сам Гринев не называет Маши, не желая, чтобы имя «капитанской дочки» даже косвенно фигурировало в деле об измене. Наступает поворотный момент в судьбе Маши: ведь только от нее зависят теперь и будущее возлюбленного, и ее собственное семейное счастье. Она решилась поехать к самой императрице просить за Гринева. Непросто далось «трусихе» Маше это решение. Она в первый раз принимает на себя такую ответственность: это уже ответственность не только за себя, но и за будущее, за честь Петра Гринева и его семьи.

Честность и искренность Маши помогли растопить холодное сердце величественной императрицы и получить прощение для Гринева. Добиться этого Маше было едва ли не труднее, чем Гриневу убедить Пугачева в необходимости помочь самой Маше, пленнице Швабрины.

Маша Миронова в конце концов смогла преодолеть все преграды и устроить свою судьбу, свое счастье. Тихая и робкая «капитанская дочка» в сложнейших обстоятельствах сумела справиться не только с внешними препятствиями. Она преодолела саму себя, сердцем почувствовав, что честность и нравственная чистота способны сокрушить недоверие, несправедливость и предательство, помогают человеку одержать верх в его неравном противоборстве с грозными силами истории.

Из-под своих таинственных покровов история как бы вывела Пугачева, сделав его символической фигурой, жуткой в своей реальности и одновременно волшебной, почти сказочной. Прототип пушкинского Пугачева — реальное историческое лицо, самозванец, глава восставших. Историчность Пугачева закреплена в романе казенным приказом о его поимке (см. главу «Пугачевщина»), подлинными историческими фактами, которые упомянуты Гриневым.

Но Пугачев в пушкинском романе не тождествен своему историческому прототипу. Образ Пугачева — сложный сплав исторических, реально-бытовых, символических и фольклорных элементов, это *образ-символ*, разветвляющийся, как и любой символический образ, в нескольких, порой взаимоисключающих смысловых плоскостях. Пугачев — персонаж романа, участник сюжетного действия. Он увиден глазами Гринева. Как персонаж он появляется только тогда, когда его жизнь пересекается с жизнью мемуариста. Облик Пугачева физически конкретен, рассказчику вполне ясен и его социальный статус: он казак, «бродяга», главарь «шайки разбойников».

Несмотря на свою реалистичность, Пугачев резко отличается от других героев. С его появлением в романе возникает тревожная, загадочная атмосфера. И в главе «Вожатый», и во время бунта перед нами человек, внешность которого выразительна, но обманчива. Внутреннее, скрытое кажется в нем значительнее и таинственнее того, что доступно взгляду Гринева. Человеческий облик Пугачева сложен и противоречив. В нем уживаются жестокость и великодушие, лукавство и прямота, желание подчинить человека и готовность ему помочь. Пугачев может грозно хмуриться, напускать на себя «важный вид» и улыбаться, добродушно подмигивать. Пугачев непредсказуем — это человек-стихия. *Важнейший принцип создания образа Пугачева — превращение, метаморфоза.* Он постоянно перевоплощается, как бы ускользая от однозначных определений. Двойственно уже само его положение человека-«оборотня»: он казак — человек, имеющий подлинное имя,

и самозванец, присвоивший чужое — имя покойного Петра III (имя для Пугачева — главный атрибут власти). В сюжете романа из «бродяги» он превращается в «великого государя». В нем проступают то черты плутоватого казака, то мудрость народного вождя и полководца. В некоторых эпизодах (главы «Незванный гость», «Мятежная слобода» и «Сирота») метаморфозы следуют одна за другой: властный и грозный «государь» оборачивается искренним и милосердным спасителем «его благородия» и «красной девицы»; нетерпеливый и скорый на расправу человек — рассудительным и примиряющим (глава «Мятежная слобода»). Мотив превращения пришел в роман из фольклора (мифа и волшебной сказки).

Пугачев говорит о вариантах развития своей судьбы: о походе на Москву («Дай срок, то ли еще будет, как пойду на Москву»), о возможном триумфе («Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою»). Довольный своими военными победами, он предполагает даже «потягаться» с самим прусским королем Фридрихом. Но ни один из этих вариантов судьбы не осуществился.

Пугачев — фигура трагическая. В жизни ему тесно так же, как в детском заячьем тулупчике, подаренном Гриневым («Улица моя тесна; воли мне мало»). Власть его кажется безграничной, но он осознает трагизм своей судьбы — это подчеркнуто и в любимой песне Пугачева («Не шуми, мати зелена дубровушка...»), и в рассказанной им калмыцкой сказке. Как и всякий трагический герой, Пугачев предстает в героическом ореоле. Милуя своих противников, он гордо отвергает совет Гринева — «прибегнуть к милосердию государыни». Им движет не чувство непомерной вины, а уверенность в несокрушимой правоте. Он хозяин своей судьбы и не может принять то, что щедро дает другим людям. Милосердие для него — унижительная милостыня. Трагическая судьба Пугачева раскрывается в фольклорной символике песни и сказки.

Гринев пытается понять роль Пугачева в своей судьбе, в судьбе Маши. Заячий тулупчик и общеизвестное «долг платежом красен» — слишком простое объяснение всего происшедшего (долг был оплачен, даже с лихвой: Пугачев прислал Гриневу овчинный тулуп, коня и полтину денег). Мемуарист осознает, что этот человек почему-то выделил его из толпы, спас, помог, устроил его личное счастье («Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня»). Немалую роль сыграло чувство человеческой близости, возникшее между ними («Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему»). Но Гринев прозревает в их отношениях другой, высший смысл. Пугачев представляется ему человеком исключительным, посланным самой судьбой. Мысли о судьбе сопровождают каждый поворот сюжета, каждое изменение в жизни Гринева, связанное с Пугачевым. Как просвещенный человек, мемуарист не склонен верить в пророчества и чудеса. Но Пугачев для него — случай особенный, он — живое воплощение чуда. Пугачев возник из метели, едва не погубившей Гринева, из сна, в котором отец неожиданно предстал в облике вожатого. Пугачев стал его «вожатым» по жизни, в нем совместились и здравый смысл, и логика чуда — логика мифа.

Пугачев одновременно реален и фантастичен, недоступен для понимания. Он — звено, соединившее обыкновенного человека Гринева с миром таинственного и загадочного: с судьбой и историей. С появлением Пугачева в главе «Приступ» Гринев ощущает таинственную взаимосвязь новых обстоятельств своей жизни и предзнаменований, полученных им ранее. Пугачев разрушает привычную одномерность его жизни. Повествование о судьбе Гринева перестает быть линейным движением от эпизода к эпизоду, в котором новое событие просто присоединяется к предыдущему. В романе возникают композиционные и смысловые параллели. Все они связаны именно с фигурой Пугачева (отметим наиболее важные параллели: встреча Гринева с Пугачевым в Белогорской крепости — встреча Маши с Екатериной II в Петербурге; «суд» над Гриневым в Бердекой

слободе — суд в Казани; несостоявшаяся казнь Гринева — казнь Пугачева, о которой говорится в послесловии; оборона Белогорской крепости — оборона Оренбурга).

Образ Пугачева — центральный образ романа, хотя Пугачев и не является главным действующим лицом. С ним связаны размышления Пушкина об истории и судьбе, о соотношении частной жизни человека и жизни исторической. Фигура Пугачева соизмерима только с фигурой Петра I. Среди русских исторических деятелей своей эпохи Пушкин личности такого масштаба не находил.

В день, когда была завершена «Капитанская дочка», на встрече с друзьями-лицеистами поэт прочитал свое последнее стихотворное послание к ним: «Была пора: наш праздник молодой...». В нем подведен итог эпохе, о начале которой мемуарист Гринев с энтузиазмом написал: «Не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия». Пушкин тоже взглянул на свою эпоху взглядом честного и неравнодушного «свидетеля»:

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Величественная картина европейской и русской истории первой четверти XIX века, созданная в послании, — своеобразный поэтический «эпилог» к роману о бессмысленном и беспощадном «русском бунте», который, по убеждению Пушкина, не должен был повториться в России...